

Научная статья

DOI: 10.15593/perm.kipf/2022.2.06

УДК 343.23-048.66(470.53)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917–1922 ГОДАХ

П.В. Фадеев

Независимый исследователь, Пермь, Россия

О СТАТЬЕ

Поступила: 16 мая 2022 г.
Одобрена: 11 июля 2022 г.
Принята к публикации: 20 сентября 2022 г.

Ключевые слова:

уголовная преступность, Пермская губерния, бандитизм, дезертирство, голод, кризис, революция, Гражданская война, милиция, государственная политика, статистика

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена проблема противодействия уголовной преступности в период глобального социального катаклизма: революции, Гражданской войны, экономической разрухи и массового голода в России в 1917 – 1922 годов на примере Пермской губернии. Автор использует архивные материалы, часть которых впервые вводится в научный оборот. Трудности с источниковой базой исследований данной проблемы представляются автору значительными, но преодолимыми. Объективные условия роста уголовной преступности в кризисных ситуациях позже не раз возникали в России (Великая Отечественная война, радикальные реформы 1990-х). Противодействие этому опасному явлению со стороны формировавшихся заново правоохранительных органов в послереволюционной России постепенно становилось устойчивыми практиками. В то же время исследование позволяет утверждать, что характер уголовной преступности и практики противодействия ей оказывали влияние на общество и после завершения кризиса. Актуальность статьи обусловлена тем, что преступность свойственна каждой общественной формации, и противодействие ей является важной задачей социума на всех этапах развития. Автор ставит целью показать, основываясь на исторических документах, зависимость уровня преступности от совокупности объективных факторов и их определяющее влияние на правоприменительные практики в условиях кризиса. Используя источниковедческий анализ в качестве метода, автор охарактеризовал специфику уголовной преступности в обозначенный период и способы противодействия ей со стороны правоохранительных органов.

© ПНИПУ

© **Фадеев Павел Владимирович**, историк-краевед, e-mail@pvfadeev@mail.ru.

© **Pavel V. Fadeev** – Specialist in Regional History of Perm Region, e-mail@pvfadeev@mail.ru.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.
Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Вклад. 100 %.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

COUNTERING CRIMINAL OFFENCE IN THE PERM PROVINCE IN 1917–1922

Pavel V. Fadeev

Independent Researcher, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 16 May 2022
Revised: 11 July 2022
Accepted: 20 September 2022

Keywords:

criminal criminality, Perm province, desertion, famine, crisis, revolution, civil war, militia, state policy

ABSTRACT

The problem of countering criminal offence in the period of global social cataclysm: revolution of 1917, civil war, economic devastation and mass starvation in Russia in 1917–1922 has been described in the article. The author examines this problem by the example of Perm province using archival materials, some of which are introduced into scientific circulation for the first time. Difficulties with the source base of research on this problem seem to be significant, but surmountable. Objective conditions for the growth of criminal offence in crisis situations arose more than once later in Russia (the Great Patriotic War, radical reforms of the 1990s). Counteraction to this dangerous phenomenon by the newly formed law enforcement agencies in post-revolutionary Russia gradually formed stable practices. At the same time, the study suggests that both the nature of criminal offence and the practices of countering it at that time had an impact on society even after the crisis.

The relevance of the article is due to the fact that crime is characteristic of every social formation, and countering it is an important task of society at all stages of development. On the base of historical documents, the author aims to show the dependence of the level of crime on a combination of objective factors and their determining influence on law enforcement practices in a crisis. Using source analysis as a method, the author characterized the specifics of criminal offense in the designated period and identified ways to counteract it by law enforcement agencies.

© PNRPU

Послереволюционный период, включающий Гражданскую войну и последующие несколько лет, характеризовался в России небывалым размахом уголовной преступности, в том числе самых опасных ее проявлений – бандитизма и тяжких преступлений против личности. Пермская губерния и Прикамье¹ как территориальная составляющая страны не являлись в этом смысле исключением. Социальные потрясения в виде двух революций, войн, голода и разрухи обрушились на российское общество одновременно и среди прочих последствий обусловили его крайнюю криминализацию. Сложившаяся в результате этих событий совокупность экономических, политико-правовых и духовно-нравственных факторов определила на несколько десятилетий вперед основные тенденции в развитии преступности и политику государства по отношению к этому опасному явлению.

Исследования проблемы противодействия уголовной преступности в отечественной науке

Характеризуя состояние исследовательского процесса по указанной тематике, следует отметить несколько моментов, обусловивших ее невысокую популярность и относительно небольшое количество публикаций. В значительной степени это объясняется ограниченным количеством достоверных и доступных источников, поскольку документы периода Гражданской войны разрознены по времени и в пространстве, что затрудняет воссоздание объективной картины событий не только в российском масштабе, но и на региональном уровне. Прежде всего это касается статистических данных, которые либо совсем отсутствуют, либо фрагментарны и не всегда достоверны. Едва начавшие свою деятельность советские правоохранительные органы не имели ни опыта, ни условий для сбора и обработки статистической отчетности. Эмоцио-

¹ Термин «Прикамье» использован в данной статье как наиболее соответствующий территории современного Пермского края, поскольку административно-территориальное деление Урала после 1917 года неоднократно изменялось.

нальную оценку такой ситуации дал начальник Чердынской уездной милиции Автоном Чагин в своем приказе № 47 от 12.11.1919 г.: «Мне известно, что в районах уезда постановка дела милиции из рук вон плоха. Начальники районов, окопавшись у себя в канцеляриях <...> абсолютно никаких о себе и своей деятельности сведений не шлют, хотя не раз поступали предписания 2 раза в месяц представлять сведения о работе в районах. Начальники районов! Где вы? Я вас спрашиваю, для чего вас поставили на этот пост?» [1, л. 46]. Постепенно положение дел менялось, были введены многообразные формы отчетности, однако они оставляли желать лучшего.

Повсеместно в отчеты вносилась абстрактная и неподтвержденная информация, как, например, в ежемесячном докладе Кунгурской уездно-городской милиции за декабрь 1922 год. В графе «Наблюдается ли рост или падение преступности (цифры)» присутствует лаконичный ответ: «Против весны пала на 50 %» [2]. Один из российских исследователей В.В. Шведов отмечает: «Статистическая работа в органах милиции и уголовного розыска в 1920-е годы вызывала большое число нареканий со стороны контролирующих органов. В марте 1925 года на 2-м съезде начальников адм.отделов было отмечено, что попытки провести объективный и качественный анализ деятельности органов внутренних дел Уральской области закончились неудачей» [3].

Ситуация с документами указанного периода усугубляется тем, что значительная их часть утрачена и восстановлению не подлежит. Кроме того, говоря об историографии вопроса, следует учитывать, что уголовная составляющая в общей картине преступности того периода, очевидно, находится в тени политического противостояния и проистекающих из него вооруженных и иных конфликтов. Наиболее ярко этот подход прослеживается в многочисленных исследованиях, касающихся бандитизма. Характерный для советской историографии классовый подход к этому виду преступлений, отразившийся в термине «политический бандитизм», который используют, например, А.А. Герцензон, В.С. Кобзов, Е.П. Сичинский, А.И. Семенов и др., сохранился в абсолютном большинстве работ постсоветского периода, где феномен бандитизма повсеместно рассматривается как форма классовой борьбы [4–7]. Конечно, отношение к участникам этой борьбы у современных исследователей, существенно поменялось, термины «бандформирования» и «кулацко-эсеровские мятежи» уступили место «повстанческим отрядам» и «крестьянским восстаниям», но в контексте заявленной темы это обстоятельство существо вопроса не меняет [8–11]. Весьма показательной в этом смысле является работа П.В. Максимова [12], который заявленной темой анонсировал всеобъемлющий охват всех проявлений изучаемого объекта, а фактически сосредоточился на его политическом сегменте. Усилия ВЧК и в дальнейшем ОГПУ, направленные на искоренение «политического бандитизма», подвергнуты автором тщательному научному анализу, в то время как работа милиции и уголовного розыска упомянута лишь в контексте изменений, касающихся двух первых чрезвычайных органов.

Оценивая работы уральских исследователей по данной тематике Л.А. Обухова, А.В. Долговой, Е.И. Ярковой, М.Г. Ситникова и др., можно утверждать, что они полностью соответствуют общероссийской тенденции [13–18], «политическая» составляющая преступности полностью превалирует над уголовной, которую авторы упоминают мимоходом и только в контексте глобальных событий. Наиболее полная информация о борьбе с уголовной преступностью на территории Прикамья содержится в краеведческом издании В.М. Руцкина, однако автор сосредоточил свое внимание на действиях милиции, почти не затронув саму преступность как объект исследования [19].

Завершая краткий историографический экскурс, нужно упомянуть еще одно затрудняющее анализ криминогенной ситуации 1917–1922 годов обстоятельство. До принятия первого Уголовного кодекса РСФСР в 1922 году юридическая классификация видов преступлений использова-

лась достаточно произвольно, например, «бандитизм» в сохранившихся архивных документах мог именоваться вооруженным нападением, убийством, ограблением и даже вооруженной кражей [20]. Подобный подход практиковался и при учете иных видов преступлений, например хулиганства, которое имело огромное распространение. «Из-за отсутствия четкого юридического определения под хулиганством понимались самые разные действия: произнесение нецензурных слов, стрельба из огнестрельного оружия, шум, крики, пение озорных или нецензурных песен и частушек... кулачные бои, драки. Типичным явлением стало совершение из хулиганских побуждений таких преступлений, как убийство, бандитское нападение, поджог» [21]. Следствием этого подхода стало относительно большое количество конкретных примеров уголовных проявлений, отраженных в таких документах, как оперативные сводки, доклады, «личные письма», уголовные дела, на фоне отсутствия общей статистики. И еще один, характерный лишь для того периода фактор, оказавший влияние как на ситуацию с уголовной преступностью, так и на цифровые данные. Наделенные внесудебными чрезвычайными полномочиями правоохранительные органы в условиях жесткого вооруженного противостояния часто физически уничтожали преступников, заменяя пространную отчетность лаконичным термином «ликвидация».

Масштабы уголовной преступности в Пермской губернии в 1917–1922 годах

Отсутствие полных статистических данных не является непреодолимым препятствием для выводов о масштабах уголовной преступности на территории Пермской губернии. Ее общее экономическое и социально-политическое состояние, а также их динамика в указанный период достаточно подробно и объективно отражены в архивных документах и исследовательских работах. Экстраполируя сохранившиеся фрагменты уголовной статистики на этот фон, можно с большой долей достоверности воспроизвести криминогенную ситуацию, имевшую место на территории губернии. Например, в отчете о работе уголовного розыска за 1921 год имеются данные, что с июля по декабрь в губернском и уездных отделах зарегистрированы 406 вооруженных ограблений (бандитизм), 82 убийства, 1301 крупная кража и ограбление, 3457 мелких краж и фактов конокрадства [22, л. 11]. При этом в последующем 1922 году часть уездов Пермской губернии продолжала голодать, и количество преступлений, совершенных с целью обеспечения пропитания, снизиться существенно не имело причин. Кроме того, численность милиции в течение 1921 года сократилась с 4717 в июле до 1322 в декабре 1921 года [22, л. 10]. В то же время иных принципиальных факторов, способных повлиять на криминогенную ситуацию, в документах не отмечено, следовательно, можно утверждать, что в 1922 году она существенно не изменилась. Данный вывод достаточно красноречиво подтверждается имеющимися цифрами: в 1922 году только на территории Пермского уезда были совершены 126 убийств, на территории Кунгурского уезда только в январе 1922 года были совершены 11 вооруженных ограблений, 17 убийств, 32 крупные кражи со взломом, мелких краж со взломом 136, фактов конокрадства 13 [20, л. 821]. Были ликвидированы 19 вооруженных банд (Справка Молотовского УНКВД. 1944 г. Из архива автора статьи).

И напротив, общие изменения экономической и политической обстановки в 1923 году, связанные с относительно хорошим урожаем, отменой продразверстки, созданием ГПУ, а затем ОГПУ, принятие Уголовного кодекса отразились в оставшихся статистических данных. За весь 1923 год были зарегистрированы только 239 вооруженных нападений, снизилось количество убийств и одновременно ликвидированы 58 уголовных банд, что косвенно свидетельствует о некоторых положительных тенденциях в борьбе с преступностью и ее общем снижении [19].

Сухая и отрывочная статистика, характеризующая относительный масштаб преступности на территории губернии, сопровождается достаточно большим количеством уже упомянутых выше архивных документов, повествующих о конкретных преступлениях и их участниках. Примером может служить уголовное дело в отношении участников банды Степана Дремина, самой крупной по численности, «оперировавшей» на границе Кунгурского и Красноуфимского уездов в 1920–1923 годах [23]. Это дело, вероятно, самый яркий, эмоциональный и информативный документ из числа сохранившихся, иллюстрирующий причины и обстоятельства возникновения уголовных банд, их социальный состав, преступные деяния и бесславный конец. Конечно, значительная часть документов в деле носит субъективный характер, и относиться к ним следует критически. Например, старший участковый милиционер Молебской, Агафонковской и Журавлинской волостей И.Я. Казаков в заявлении пишет о банде в количестве около пяти тысяч человек с обозом и кавалерией и пулеметом, напавшей на завод Молебка 5 ноября 1920 года [24, л. 1-5]. Столь большая численность не подтверждена более ни одним документом, и, вероятнее всего, в банде на тот момент было не более 700 человек.

Другой пример взят из официального меморандума преступных деяний Дремина, приобщенного к делу в числе первых документов [25, л. 14]. Он упоминает о нападении бандитов на хутор Банникова Молебской волости, совершенном в ночь на 22 мая 1922 года и отбитом местным населением. Ни в одном из иных документов дела подробности этого нападения не упоминаются. В то же время жительница хутора Шобанова Мария Григорьевна, 1907 г.р., вспоминала: «... в ту пору я жила у дяди в няньках, в мае, как отсыпались, он с бабой и ребятами поехал на ярмарку в Осинцево с ночевой, а мне велел избу караулить. Дал пистолет, да в поскотине показал стрелять как и велел палить сразу, если кто в ограду полезет, <...> он богато жил, ограда крытая была тесом. <...> ночью слышать, к дому подъехали на телегах, да не одна, давай в ворота стучать. Я пистолет через ставень просунула, да стрелила. Не помню уж сколько разов-то. Потом с перепугу в половики закаталась, да под кровать.... Утресь уж вылезла, да посмотрела. Боялась больно. А у ограды не видать некого, следы только от телеги, да кровь маленько...» (из личного архива автора). За неимением иных подробностей, можно предположить, что факт нападения в его официальной трактовке мог быть не отражен.

Эти и иные возникающие разночтения можно устранить путем детального анализа и сопоставления разных документов, содержащихся в 9 томах дела, а также иных источниках, поскольку действия банды упоминались неоднократно на протяжении нескольких лет.

Обращаясь к вопросу особенностей противодействия уголовной преступности в период Октябрьской революции, Гражданской войны и двух-трех последующих лет, допустимо говорить, что они были примерно одинаковы в регионах на всей территории России. Исключение составляли приграничные районы, где военно-политические факторы играли главную роль, и столичные регионы, где сказывалось присутствие центральных органов власти и большого количества воинских частей.

Специфика криминогенной ситуации в 1917–1922 годах

Одной из главных особенностей, отличающих криминогенную ситуацию данного периода от всех иных, стало наличие дезертирства в качестве социальной базы уголовной преступности. По данным губернского комитета по борьбе с дезертирством (Губкомдезертир), в январе 1920 года в губернии насчитывалось около 10 тысяч дезертиров [26, л. 26]. В милицейских сводках и отчетах уездов Пермской губернии постоянно отмечалась активность дезертиров. Например, в мае 1920 года Осинский уездный исполком докладывал: «Дезертиры: таковые с наступлением лета начинают давать себя чувствовать. В уезде де-

зертиров несметное количество, скрывают их свои общества, также и сельские советы. Деятельность дезертиров носит чисто бандитский характер, проходят грабежи, насилия, обстрелы, поджоги и убийства» [27].

Уставшие от войн и революций крестьяне массово дезертировали из Красной армии и уклонялись от трудовой повинности. На первых порах дезертирство часто принимало форму организованного протеста против действий советской власти, как это произошло в Красноуфимском уезде в 1920 году, когда вспыхнувшее «дезертирское» [18] восстание выдвинуло политические лозунги и перекинулось на соседний Кунгурский уезд. Потерпев поражение, повстанцы, теснимые бойцами ЧОН, сотрудниками милиции и ВЧК, укрылись по дальним выселкам, глухим урочищам и землянкам. На примере отряда Степана Дремина, принимавшего активное участие в данном восстании, отчетливо видно, как: «...с началом поражений повстанцы начинают разлагаться... Из защитников крестьян, после ряда случаев открытого грабежа, увода скота и отбора остатков хлеба, они превращаются в уголовных элементов, бандитов и грабителей» [28]. Таким образом, именно дезертирство стало источником небывалого до тех пор размаха уголовного бандитизма в сельской местности, где основными участниками банд стали крестьяне-дезертиры. При этом преступления и ранее характерные для деревни: кражи, конокрадство, хулиганство, тоже количественно выросли.

Еще одной особенностью в противостоянии власти и криминала стал массовый голод 1921–1922 годов, поразивший значительные территории России в условиях политической нестабильности и слабости государственных органов. На территорию относительно благополучной Пермской губернии, где голодали только южные уезды, хлынули десятки тысяч беженцев из Поволжья, которые повсеместно побирались и совершали мелкие кражи, как правило, продуктов питания. Из оперативно-информационной сводки губернского управления милиции о состоянии Пермской губернии в декабре 1921 года: «Во второй половине декабря по губернии с каждым днем увеличиваются кражи и ограбления с убийствами, главным образом усиливается хищение продуктов и скота, вызываемые голодом и наплывом голодающих из Поволжья. Опиерирующие банды в губернии носят характер чисто уголовный» [32]. Банды формировались целенаправленно для вооруженного ограбления той части крестьянских хозяйств, которая имела некоторые излишки продуктов. Например, банда под руководством Даниила Калугина численностью до 30 человек, грабившая крестьян на территории Оханского уезда и ликвидированная в 1922 году. Налетчики в основном забирали зерно, которое жена Калугина Маремьяна сбывала по спекулятивной цене на рынке в Перми [29].

Прямым следствием революции, Гражданской войны и голода стало такое явление, как безнадзорность и беспризорность детей. В Пермской губернии с 1920 по 1922 год число беспризорных детей увеличилось в 4,1 раза [19]. Из массы беспризорников непрерывно рекрутировалось пополнение для профессиональной уголовной среды, самой дерзкой ее части, идейных носителей криминальной субкультуры, создавших советский феномен «воров в законе».

Следующей особенностью, характерной только для указанного периода, стало одномоментное прекращение функций российской пенитенциарной системы в октябре 1917 года, которая одной из первых пала под напором протестной народной стихии. На деле это привело к тому, что из тюрем и с каторги освободились десятки тысяч уголовных преступников, которые воспринимали революцию как открывшуюся возможность для очередных преступлений. Показателен в этом смысле протокол собрания граждан Башкиро-Култаевской волости Пермского уезда от 22 марта 1918 года, где речь идет о неоднократно судимых Ахмадзяне Шакирове и Габдулгарифе Рангулове, которые, освободившись из тюрьмы, «...начали производить

в своем селении и окрестных волостях всевозможные кражи и грабежи, от возможности таких местному нашему магометанскому населению не стало никакой возможности проживать на правах граждан...» [30, л. 22]. В докладе к семилетней годовщине уголовного розыска В.П. Войнарский упоминает о примерно восьмистах уголовных арестантах, освобожденных и сбежавших из тюрем Пермской губернии непосредственно после революции. Советская власть, считая уголовников в какой-то степени социально близкими элементами как противников царского режима, в первое время не применяла к ним жестких репрессивных мер, а начавшаяся Гражданская война и вовсе отодвинула эту проблему на третий план. И только по мере окончания военных действий на территориях, освобожденных от белой армии, начиналось государственное строительство, включавшее в себя борьбу с уголовной преступностью, которая заявляла о себе достаточно громко. Так, только в январе 1920 года было зарегистрировано 827 преступлений, в том числе 15 вооруженных ограблений и 18 убийств [31], а всего за этот год в губотделе уголовного розыска было зарегистрировано 1715 преступлений, совершенных в городе Перми и 7641 по уездам [22]. В качестве примера можно привести преступную деятельность Итери Тарасюк («Настя-ворожейка»), которая была осуждена за убийство еще до 1917 года и, освобожденная революцией, приехала в Пермь, где при содействии мужа сколотила банду численностью до 20 человек. В общей сложности банда совершила 23 убийства и более 100 вооруженных нападений. Судили бандитов в мае 1924 года в городском театре, публику пускали «исключительно по билетам, распространяемым профсоюзами» [32].

Среди уголовников, в том числе среди участников бандитских групп, было много лиц, бежавших из мест заключения. В 1922 году в Перми в разное время были задержаны вооруженные бандиты-налетчики Лисицкий, Богданов, Карташов, Балмышев, Бердышев, которые ранее неоднократно были судимы, все бежали с Кизеловских копей [33].

Гражданская война и голод привели в движение огромные массы людей на всей территории России, не исключая уголовных преступников. Коммуникативные возможности правоохранительных органов в то время были сильно ограничены, и информация о преступниках передавалась по стране очень медленно, что давало им дополнительные возможности. В конце 1922 года в Кунгуре был задержан аферист с дореволюционным стажем Карл Поднек, приехавший в город с фальшивыми документами члена ВЦИК и готовивший там, по его словам, большую сходку криминальных авторитетов [34].

Следует отметить, что в период Гражданской войны и первые послевоенные годы отчетливо прослеживается зависимость места дислокации уголовников от их социальной принадлежности и наоборот. Если крестьянско-дезертирские банды «оперировали» в сельской местности, более того, в окрестностях своих родных деревень, то профессиональные уголовники всех «специальностей» тяготели к городу. Первые, невзирая на их многочисленность и опасность, как правило, занимались преступным промыслом вынужденно и не связывали с ним свое будущее. Вторые выбрали его образом жизни и источником дохода, а с этой точки зрения город давал значительно больше возможностей для реализации преступных замыслов. Например, в ночь на 9 марта 1922 года в Перми была задержана группа налетчиков-рецидивистов в количестве пяти человек под руководством Семена Чиркова [20].

Борьба правоохранительных органов против уголовной преступности

Одной из важнейших особенностей, отличающей процесс борьбы с уголовной преступностью указанного периода от всех иных, стало то, что осуществлялась эта борьба в условиях полной смены органов государственной власти, включая правоохранительные, а также усло-

вий и принципов их работы. Разрушив «до основания» правоохранные органы царской России, большевики не совсем четко представляли себе, как будут выглядеть новые. Достаточно наглядно это видно на примере создания милиции в Пермской губернии. Первые отряды рабочей милиции были созданы большевиками еще в марте 1917 года в Мотовилихе, Лысьве, Кунгуре. Начальник Мотовилихинской милиции И.В. Зенков вспоминал: «...2 марта (1917 г.), по указанию партии большевиков взамен полиции был сформирован добровольный отряд милиции» [35]. Однако в Перми и большинстве населенных пунктов губернии функции по охране общественного порядка осуществляла милиция, созданная Временным правительством, которая была окончательно распущена только в феврале 1918 года. С этого момента началось формирование новой советской милиции, затянувшееся до глубокой осени и прерванное в декабре 1918 года наступлением Сибирской армии Колчака.

Вновь к созданию милиции в Пермской губернии власти приступили немедленно после освобождения Перми от белогвардейцев. Уже 2 июля 1919 года состоялось соединенное совещание Губвоенревкома и командования частей Красной армии, которое постановило: «Принять самые решительные меры к организации милиции» [30].

Формирование советской милиции после отступления армии Колчака осуществлялось уже организовано, на основе Инструкции по организации Советской рабоче-крестьянской милиции, утвержденной Народными комиссариатами внутренних дел и юстиции. Первоначальный этап в деятельности милиции тоже был отмечен характерными особенностями, которые оказали существенное влияние на правоприменительную практику не только того периода, но и последующих десятилетий.

В первую очередь следует отметить объективные обстоятельства и трудности, с которыми столкнулись сотрудники милиции, противодействуя преступности. Отсутствие материальной базы, голод, болезни, постоянная опасность, все это сопровождало работу и самих сотрудников на протяжении первых лет существования милиции.

Второй особенностью стало почти полное отсутствие квалифицированных кадров. Отторгнув по классовому признаку старых специалистов, новая власть вынуждена была набирать новых, не имеющих ни опыта, ни профессиональных знаний. В докладе о состоянии и деятельности Пермской Советской рабоче-крестьянской милиции за июль-декабрь 1921 года было отмечено, что «...работа и состояние милиции губернии находится в самом жалком виде, масса комсостава и милиционеров не соответствуют своему назначению, специальную службу милиции знают весьма немногие, большинство же смотрит на нее, как на вооруженную силу и подсобный исполнительный орган для всевозможных учреждений. Инструктирование и строевые занятия не ведутся, дисциплины нет, информации с мест нет, учета личного состава не ведется, делопроизводство и отчетность в хаотическом состоянии, связи районов с уездами и уездов с губмилицией не было» [22].

Разнородность социальных источников уголовной преступности, включая дезертиров и прочих политических противников новой власти, обусловила то, что к борьбе с этой преступностью были привлечены, кроме милиции, иные силовые структуры: Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), затем Государственное политическое управление (ГПУ-ОГПУ), части особого назначения (ЧОН), Комитет по борьбе с дезертирством (Губкомдезертир) и т.д. Процесс взаимодействия этих органов достаточно сложен и заслуживает отдельного исследования, но обстоятельства, осложнявшие их работу, были примерно одинаковы.

Эти факторы крайне негативно сказывались на результатах деятельности по противодействию уголовной преступности, вызывали недоверие и нарекания со стороны населения,

частые самосуды. В августе 1922 года заместитель начальника губотдела ГПУ докладывал в Губком РКП(б): «В Осинском уезде частые случаи самосудов за кражи, в Воскресенской волости, начиная с весны, самосудами убито около 40 человек» [36].

Указанные обстоятельства и необходимость в кратчайшие сроки свести преступность в стране, включая уголовную, к минимуму, подтолкнули власть к решению наделить органы государственной безопасности (ВЧК, ГПУ, ОГПУ) и милицию чрезвычайными полномочиями, в том числе правом внесудебной расправы. Такое решение на данном историческом этапе дало положительный результат, позволив в краткие сроки ликвидировать столь опасное явление, как вооруженный бандитизм, но в долгосрочной перспективе привело к серьезным негативным последствиям.

Уголовная преступность является опаснейшим социальным явлением, представляющим угрозу любому обществу. Кризисные условия всегда способствуют росту преступности, особенно когда противодействие ей затрудняется отсутствием квалифицированных кадров и отработанных практик правоохранительных органов. Нужда и бедствия масс в годы войны, массовое дезертирство, еще более массовый голод способствовали небывалому валу уголовных преступлений и тяжких преступлений против личности. Росло число бандитских формирований, которые в тот период носили преимущественно классовый характер. Однако не следует путать это с политической преступностью. Милицейские кадры были плохо подготовлены к борьбе с ними в силу отсутствия опыта, неквалифицированности и зачастую малограмотности. Общество далеко не сразу проявило готовность привлекать правоохранительные органы, предпочитая расправляться с бандитами самосудом. Наделение милиции чрезвычайными полномочиями в чрезвычайных обстоятельствах позже не раз сказывалось негативно на деятельности правоохранительных органов. Многие социальные явления изучаемого периода имели долговременные последствия. Так, только в советских фильмах из беспризорников вырастали убежденные коммунисты и передовики производства. В реальности из них формировалось сообщество профессиональных преступников, включая «воров в законе», что создало позже значительные трудности для противодействия уголовной преступности.

Список литературы

1. Чердынский муниципальный музей. Ф. 2439/4.
2. Архивный отдел администрации Кунгурского городского округа. Ф. 12. Оп. 1. Д. 25.
3. Шведов В.В. Организация аналитической работы в органах внутренних дел Уральской области (1924–1934 гг.) // Вестник ЮУрГУ. – 2006. – № 17. – С. 131–135.
4. Герцензон А.А. Борьба с преступностью в СССР. М.: Госюриздат РСФСР, 1929.
5. Кобзов В.С., Семенов А.И. Правоохранительные органы Урала в годы Гражданской войны / Челябинский юрид. ин-т МВД России. – Челябинск, 2002.
6. Сичинский В.П. Государственное строительство на Урале в 1917–1921 гг.: учеб. пособие. – Челябинск, 1997.
7. Вепрев О.В., Лютов В.В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002.
8. Тепляков А.Г. Криминал и власть в эпоху становления Советского государства // Новый исторический вестник. – 2015. – № 3 (45). – С. 44–64.
9. Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. – Оренбург: Оренбургская губерния, 2005.

10. Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. – М.: Янус-К, 2001.
11. Лабузов В.А. Деревня Южного Урала в период новой экономической политики (1921–1927 гг.). – Челябинск, 1995.
12. Максимов П.В. Борьба с бандитизмом в Советском государстве довоенного периода: законодательное регулирование и правоохранительная деятельность / АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права». – М., 2017.
13. Обухов Л.А. Прикамье в годы Гражданской войны [Электронный ресурс]. – URL: <http://a-pesni.org/grvojna/makhno/a-prikam.php> (дата обращения: 18.11.2021).
14. Долгова А.В. Дезертирство из Красной армии и борьба с ним в 1918–1920 гг. как конфликт между властью и населением (на материалах Пермской губернии): дис. ... канд. ист. наук. – М., 2016.
15. Яркова Е.И. Крестьянские волнения в Красноуфимском уезде 1919–1920 гг. // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 2 (19). – С. 48–51.
16. Ситников М.Г. Уральский атаман Дремин // «Атаманщина» и «партизанщина» в гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сб. статей и материалов / под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО – XXI, 2015.
17. Токарева Н.Н. «Зеленые» // Война на разрыв. События 1917–1922 гг. в заводе Суксун и окрестностях. – Пермь: изд. Богатырев П.Г., 2018. – С. 196–224.
18. Кулаков Д.В. Красноуфимское восстание на основе материалов государственного архива Свердловской области // Вопросы исторической науки: материалы 3-й междунар. науч. конф. (Москва, январь 2015). – М.: Буки-Веди, 2015.
19. Руцкин В.М. История милиции Пермского края. – Пермь: Титул, 2013.
20. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р78. Оп. 3. Д. 24.
21. Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 1920–1930-х годов // Вопросы истории. – 1994. - № 2. – С. 30–42.
22. ГАПК. Ф. р78. Оп. 2. Д. 16.
23. Пермский государственный архив социально-политической истории (ГАСПИ). Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11308.
24. ГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11308. Т. 7.
25. ГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11308. Т. 1.
26. ГАСПИ. Ф. 90. Оп. 4, Д. 900.
27. ГАСПИ. Ф. 557. Оп. 4. Д. 50.
28. Лукьянов А.В. Действия органов государственной власти и Красной армии по ликвидации крестьянского восстания и бандитизма в Саратовской губернии // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: сб. материалов 80-й Междунар. науч.-практ. конф.: в 4-х частях. – Вольск: ВВИМО: Перо, 2014.
29. ГАПК. Ф. р129. Оп. 3. Д. 66.
30. ГАСПИ. Ф. 90. Оп. 4. Д. 860.
31. ГАПК. Ф. р78. Оп.1. Д.11.
32. Газета «Звезда». 1924. – 12 ноября.
33. ГАСПИ. Ф. 557. Оп. 4. Д. 32.
34. Хамков В.В. Десяносто лет на службе народу (из истории кунгурской милиции). – Кунгур, 2007.
35. ГАСПИ. Ф. 5612. Оп. 1. Д. 10.
36. ГАСПИ. Ф. 557. Оп. 3. Д. 23.

References

1. Cherdynskii munitsipal'nyi muzei, f-2439/4.
2. Arkhivnyi otdel administratsii Kungurskogo gorodskogo okruga, f. 12, op. 1, d. 25.
3. Shvedov V.V. Organizatsiia analiticheskoi raboty v organakh vnutrennikh del Ural'skoi oblasti (1924-1934 gg.) [Organization of analytical work in the internal affairs bodies of the Ural region (1924-1934)]. *Bulletin of the South Ural State University*, 2006, no. 17, pp. 131-135.
4. Gertsenzon A.A. Bor'ba s prestupnost'iu v SSSR Gertsenzon A.A. Crime control in the USSR]. Moscow, Gosizdat RSFSR, 1929.
5. Kobzov V.S., Semenov A.I. Pravookhranitel'nye organy Urala v gody grazhdanskoi voiny [Law enforcement agencies of the Urals during the civil war]. Cheliabinsk, Cheliabinskii iuridicheskii iniversitet Ministerstva vnutrennikh del Rossii, 2002.
6. Sichinskii V.P. Gosudarstvennoe stroitel'stvo na Urale v 1917-1921 gg. [State construction in the Urals in 1917-1921]. Uchebnoe posobie. Cheliabinsk, Cheliabinskii iuridicheskii iniversitet Ministerstva vnutrennikh del Rossii, 1997.
7. Veprev O.V., Liutov V.V. Gosudarstvennaia bezopasnost': tri veka na luzhnom Urale [State Security: Three Centuries in the Southern Urals]. Cheliabinsk, luzhnoUral'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002.
8. Tepliakov A.G. Kriminal'naia vlast' v epokhu stanovleniia sovetskogo gosudarstva [Crime and power in the era of the formation of the Soviet state]. *The New Historical Bulletin*, 2015 no. 3(45), pp. 44-64.
9. Safonov D.A. Velikaia krest'ianskaia voina 1920-1921 gg. i luzhnyi Ural [The Great Peasant War of 1920-1921 and the South Urals]. Orenburg, Orenburgskaia guberniia, 2005.
10. Kondrashin V.V. Krest'ianskoe dvizhenie v Povolzh'e v 1918-1922 gg. [Peasant movement in the Volga region in 1918-1922]. Moscow, Ianus-K, 2001.
11. Labuzov V.A. Derevnia luzhnogo Urala v period novoi ekonomicheskoi politiki (1921-1927gg.) [The village of the South Urals during the period of the new economic policy (1921-1927)]. Cheliabinsk, Cheliabinskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 1995.
12. Maksimov P.V. Bor'ba s banditizmom v sovetskom gosudarstve dovoennogo perioda: zakonodatel'noe regulirovanie i pravookhranitel'naia deiatel'nost' [Fight against banditry in the Soviet state of the pre-war period: legislative regulation and law enforcement activities]. Moscow, Nauchno-issledovatel'skii institute istorii, ekonomiki i prava, 2017.
13. Obukhov L.A. Prikam'e v gody grazhdanskoi voiny [Prikamye during the Civil War], available at: <http://a-pesni.org/grvojna/makho/a-prikam.php> (assessed 18 November 2021).
14. Dolgova A.V. Dezertirstvo iz Krasnoi armii i bor'ba s nim v 1918-1920 gg. kak konflikt mezhdru vlast'iu i naseleniem (na materialakh Permskoi gubernii) [Desertion from the Red Army and the fight against it in 1918-1920 as a conflict between the authorities and the population (based on the materials of the Perm province)]. Ph. D. thesis. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2016.
15. Iarkova E.I. Krest'ianskie volneniia v Krasnoufimskom uezde 1919-1920 gg. [Peasant unrest in the Krasnoufimsky district of 1919-1920]. *Ural Historical Journal*, 2008, no. 2 (19), pp. 48-51.
16. Sitnikov M.G. Ural'skii ataman Dremin [Ural ataman Dremin]. «Atamanshchina» i «partizanshchina» v grazhdanskoi voine: ideologiya, voennoe uchastie, kadry: sbornik statei i materialov. Ed. A. V. Posadskii. Moscow, Assotsiatsiia issledovatelei rossiiskogo obshchestva-XXI, 2015.
17. Tokareva N.N. «Zelenye» [“The Greens”]. *Voinanarazryv. Sobytiia 1917-1922 gg. v zavode Suksun i okrestnostiakh*. Perm', Bogatyrev P.G., 2018, pp. 196-224.
18. Kulakov D.V. Krasnoufimskoe vosstanie na osnove materialov gosudarstvennogo arkhiva Sverdlovskoi oblasti [The Krasnoufimsk uprising based on materials from the State Archives of the Sverdlovsk Region]. *Voprosy istoricheskoi nauki: Materialy 3-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (ianvar' 2015)*. Moscow, Buki-Vedi, 2015.
19. Rutskin V.M. Istoriia militsii Permskogo kraia [History of the police of the Perm region]. Perm', Titul, 2013.
20. Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia (GAPK), f. r78, op. 3, d. 24.
21. Leбина N.B. Tenevye storony zhizni sovetskogo goroda 1920-1930-h godov [Shadow aspects of the life of the Soviet city in the 1920s-1930]. *Voprosy istorii*, 1994, no. 2, pp. 30-42.
22. GAPK, f. r78, op. 2, d. 16.
23. Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (GASPI), f. 641/1, op.1, d.11308.
24. GASPI, f. 641/1, op. 1, d. 11308, t. 7.
25. GASPI, f. 641/1, op.1, d. 11308, t. 1.
26. GASPI, f. 90, op. 4, d. 900.
27. GASPI, f. 557, op. 4, d. 50.
28. Luk'ianov A. V. Deistviia organov gosudarstvennoi vlasti i Krasnoi armii po likvidatsii krest'ianskogo vosstaniia i banditizma v Saratovskoi gubernii [Actions of state authorities and the Red Army to eliminate the peasant uprising and banditry in the Saratov province]. *Aktual'nye problem gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk: sbornik materialov 80-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v 4-kh chastiakh*. Vol'sk, Vol'skii Voennyi institut Material'nogo Obespecheniia, Pero, 2014.
29. GAPK, f. r129, op. 3, d. 66.
30. GASPI, f. 90, op. 4, d. 860.
31. GAPK, f. r78, op. 1, d. 11.
32. *Gazeta «Zvezda»*, 1924, 12 Noiabria.
33. GASPI, f.557, op. 4, d. 32.
34. Khamkov V. V. Devianosto let na sluzhbe narodu (iz istorii kungurskoi militsii) [Ninety years in the service of the people (from the history of the Kungur militia)]. Kungur, 2007.
35. GASPI, f. 5612, op. 1, d. 10.
36. GASPI, f. 557, op. 3, d. 23.